

Нань Фэнмин, в душе которого теснились хаос и недоумение, внезапно вспомнил о цели своего визита и поспешил взять себя в руки, отгоняя прочь пустые мысли.

— Младший, Нань Фэнмин из семьи Нань, по приказу главы клана желает засвидетельствовать почтение старшей Цзи. Прошу вас, выйдите для беседы! — сложив руки в приветственном жесте, снова громко воскликнул он.

Раз уж он решился потревожить ее, Цзи Сюэ была не против принять гостя. В тот же миг поток света, подобный чистому нефриту и снегу, прорезал туман, прокладывая путь прямо к Бамбуковой хижине семьи Чжу.

Преодолев расстояние в несколько вдохов, Нань Фэнмин наконец достиг своей цели.

Он обвел взглядом двор, но увиденное не совпало с его ожиданиями. Здесь не было могущественного совершенствующегося, лишь беловолосая женщина с холодным выражением лица. Она стояла в черно-белой меховой накидке, заложив руки за спину, и пристально смотрела на странный Чернильный меч перед собой.

— Вы... и есть старшая Цзи? — Нань Фэнмин в изумлении задал вопрос, не в силах поверить своим глазам.

В мире совершенствующихся крайне редко можно встретить женщину, достигшую высот в Дао, а уж тем более на столь трудном и тернистом пути Мечника — кроме главы Павильона Омовения Меча, таких больше не было. К тому же, от Цзи Сюэ сейчас не исходило ни крупницы ауры совершенствующегося, поэтому неудивительно, что он усомнился.

— В Долине Слушающих Ветры никого больше нет, — Цзи Сюэ слегка нахмурилась. Ощувив легкое раздражение, она холодно произнесла: — Имя Цзи Сюэ я выбрала тогда по наитию, и в этом мире его знает лишь одна я.

— Это... хорошо, — Нань Фэнмин хоть и не мог до конца принять это, но помнил о важности своей миссии. Он перешел к делу, опустился на одно колено и, склонив голову, сжал кулаки: — Семью Нань ждет великое бедствие. Прошу старшую проявить великодушие и оказать помощь. Семья Нань обязательно щедро отблагодарит вас.

— Что до семьи Нань, какое мне до этого дело? — Цзи Сюэ взмахнула рукавом, высвобождая невидимую ци меча, которая рывком подняла его на ноги. Ее ответ был равнодушным: — Если больше нечего сказать, уходи.

Она и так не жаловала этого человека после его бесчинств в лесу Красных кленов. Если бы не само имя старшей Цзи, которое вызвало у нее любопытство, она бы даже не вышла к нему, не говоря уже о том, чтобы покидать долину ради участия в битве.

— Пойдите, старшая! На кону тысячи жизней, прошу, обдумайте это еще раз! — Нань Фэнмин отчаянно попытался шагнуть во двор, чтобы остановить Цзи Сюэ, которая уже собиралась вернуться в дом. Однако в тот же миг, как он пересек незримую черту, дыхание смерти беззвучно окутало его сердце, заставив замереть на месте.

Белоснежный палец протянулся вперед, и в краткий миг замешательства острая, как чернила, леденящая ци меча оказалась прямо у его горла.

— Я устала. Выбирай: смерть или уходи.

В ее ледяном тоне слышалась непоколебимая решимость. В конце концов, это был чужой для нее клан, так что такой исход был вполне ожидаем. Досадно было лишь то, что та никчемная барышня оказалась права во всем, отчего становилось по-настоящему зло.

Охваченный чувством поражения, Нань Фэнмин, однако, был вынужден выполнить наказ той девушки.

— По, стойте! Неужели старшая Цзи не помнит прекрасную, сексуальную и милую девушку по имени Нань Сысянь?

Бесстыдное самовосхваление. И это еще был сокращенный вариант — он просто не смог заставить себя произнести весь список эпитетов, который занимал десятки слов.

Кончик пальца, окутанный чернильным цветом, замер. Иней на лице Цзи Сюэ немного отступил, она глубоко вздохнула и медленно, низким голосом ответила:

— Помню.

Помнит? Да разве только помнит.

Те несколько десятков дней, проведенные вместе, за прошедшие месяцы не стерлись из памяти ни на йоту. Они не давали ей сосредоточиться на пути Меча, но в то же время, предаваясь воспоминаниям, она постигла еще несколько слоев смысла меча. Незнакомо, радоваться этому или печалиться.

— Тогда, пожалуйста, примите этот Камень Звукозаписи. Младший удаляется. — Выполнив последнее поручение, Нань Фэнмин не стал ждать ответа, положил камень у ворот и, поклонившись, ушел.

Он не собирался возвращаться в гущу сражения семьи Нань. Врагов было несколько, и все они находились на стадии Зарождающейся Души. Даже если Цзи Сюэ примет приглашение, исход не был предрешен.

Он сделал все, что мог, и этого было достаточно.

Тишина вновь воцарилась в Бамбуковой хижине, но этот маленький камень, подобно инородному предмету, брошенному в воду, вызвал рябь на озере ее сердца.

Она долго стояла перед камнем, глядя на опадающие красные клены, и не могла остановить поток нахлынувших воспоминаний.

Маленький теплый камень — яд, отравляющий сердце, или лекарство для его успокоения? Нет, все не то.

Это... ее испытание.

Цзи Сюэ прекрасно понимала: ей не следовало слушать, не следовало думать, не следовало поддаваться чувствам.

Но в конце концов, издав тихий вздох, снежная воительница кончиками пальцев коснулась камня, принимая то тепло, которого не должно было быть.

— Спаси меня.

В записи звучали лишь эти два слова. Никаких непонятных витиеватых фраз, никакой назойливой эксцентричности, свойственной девушке в красном.

Тон был спокойным, без тени дрожи, словно она была уверена, что Цзи Сюэ придет, и знала — пока та рядом, бояться нечего.

Эгоистично и самонадеянно. Но... весьма эффективно.

В одно мгновение в прекрасных глазах застыла тревога.

Цзи Сюэ больше не могла сдерживаться. Наполнив тело внутренней энергией, она изящным движением пальцев призвала Чернильный меч, который с мелодичным звоном взмыл в воздух. В следующее мгновение она сама превратилась в ослепительный поток света, устремившись прямо к поместью семьи Нань!

Поместье семьи Нань.

Некогда мирная обитель совершенствующихся превратилась в руины. Духовная энергия неба и

земли стонала под натиском всевозможных заклинаний и техник меча, ревя стихиями металла, дерева, воды, ветра и земли.

Среди безумной резни выделялись трое.

Один — непоколебимый, как гора, с лицом, отмеченным печатью старости, но пронизательным взглядом. Другой — пылкий, как огонь, скрывающий под личиной юноши безумную жестокость. Третий — неуловимый, как ветер, чьи движения были исполнены изящества ученого мужа.

Весь мир знал их: это были три главы залов секты Пути к Бессмертию — старейшина Лун, Ле Цин и Лю Жуфэн.

Все трое находились на стадии Зарождающейся Души.

Неужели те, кого они окружили, были ужасными демонами, раз потребовалось вмешательство трех столь могущественных практиков?

Однако, взглянув на их противника, можно было лишь поразиться: против них, безжалостно загоняющих жертву в угол, стояла всего лишь одна молодая девушка в красном.

На стадии Закладки Основания.

В отсветах магического сияния ее кожа, припавшая к инструменту цинь, казалась пугающе бледной. Из уголков губ сочилась кровь, а неуместное здесь красное одеяние было разорвано в клочья сиянием техник, едва скрывая тело.

Под этой тканью, где уже нельзя было отличить кровь от цвета одежды, расцветали бесчисленные алые пятна, подобные распустившимся цветам сливы.

Хотя Нань Сысянь и заимствовала силу предка Золотого Ядра, чтобы насильно активировать Мелодию Очищения Мира Фуси, она продержалась невероятно долго, в одиночку противостоя трем практикам стадии Зарождающейся Души.

Но резня не знает жалости, и враги не собирались щадить эту маленькую креветку, посмевавшую бросить им вызов.

Тем более, что изначально они пришли лишь за тайными сокровищами семьи Нань, но неожиданно обнаружили Цинь Фуси. Жадные старики не могли упустить такой шанс.

Раз уж они все равно собирались убить ее и забрать сокровище, почему бы не получить еще и дополнительную награду?

Поэтому, когда Цзи Сюэ прибыла на место, она увидела лишь израненную Нань Сысянь, почти обнаженную, подвешенную на магических путях над инструментом, под градом огненных атак.

Разум больше не мог сдерживать порыв. Фиолетовые глаза заполнились отражением алого цвета, не оставляя места ни для чего другого.

Запертое сердце ожило от невыносимого гнева. Жаждающий крови меч радостно зазвенел, вновь увидев свет.

Лишь мгновение. Цзи Сюэ сосредоточила волю, и меч взмыл за пределы смертного разума, разрубая магические путы, гася пламя и уничтожая саму суть вражеских техник.

Среди танцующих снежинок холодная фигура гордо ступила на поле боя. В каждом движении — чистое мастерство, заставляющее небо умолкнуть. Лишь звук меча, печальный и протяжный, воспевал вечную скорбь.

Три главы залов секты Пути к Бессмертию изумленно обернулись, но не успели задать вопрос, как столкнулись с бесконечной жаждой убийства.

Видя страдания любимой, она не могла сдержать гнев. Только смерть!

Цзи Сюэ слегка указала Чернильным мечом вперед. Холодный и смертоносный вызов, подобно удару грома, поразил сердца всех присутствующих.

— Сегодня я принесу в жертву кровь и направлю души мечом. Кто хочет умереть — нападайте все вместе!

Разрушенное поместье семьи Нань. Сила Зарождающейся Души сотрясала небосвод, но проиграла одной лишь воле меча.

Снег устилал путь, чернила вели к гибели. Долго молчавший Чернильный меч сегодня скорбел о друге и жаждал крови ради любви, испытывая на прочность мощь бессмертных.

— Хм, хвастовство! Ты хоть знаешь, кто мы такие? Сметь препятствовать делам секты Пути к Бессмертию — верный путь к смерти! — Старейшина Лун первым пришел в себя, погладил длинную бороду и с презрением воскликнул.

Хотя воля меча этой женщины была пугающей, в ней не было ни капли духовной энергии, а ее хрупкое тело не несло следов совершенствования. Обычная смертная — чего тут бояться!

Ле Цин и Лю Жүфэн тоже мгновенно пришли в себя.

Вспомнив, как они испугались этой странной женщины, они в ярости обрушили свое давление стадии Зарождающейся Души на беловолосую незнакомку.

Но кто бы мог подумать, что это давление, тяжелое, как гора, будет легко отброшено горстью летящего снега, застряв в паре шагов от нее.

— Цзи Сюэ, будь осторожна! — Нань Сысянь, лежавшая на цине, будучи не понаслышке знакомой с мощью предков Зарождающейся Души, обеспокоенно закричала.

— ...Не беспокойся, — Цзи Сюэ, услышав ее голос, по-прежнему не удостоила взглядом трех практиков. Она обернулась и произнесла тем самым тоном, который так пьянил Нань Сысянь: — Раз уж я здесь, никто больше не посмеет причинить тебе вред.

Спустя несколько месяцев разлуки она оставалась такой же холодной и отстраненной, словно бессмертная, не принадлежащая этому миру.

В этот раз даже система не дала Нань Сысянь задания — видимо, это было ее предначертанное испытание.

Возможно, она умрет, возможно, станет вечной игрушкой для других. Посылая людей за Цзи Сюэ, она лишь искала утешения для самой себя.

При таком характере той женщины, посланные ученики вряд ли даже достигли бы Бамбуковой хижины, не говоря уже о встрече. Ее маленькие надежды, казалось, были обречены.

Но она не ожидала, что перед лицом смертельной угрозы этот холодный человек, этот одинокий меч прорежет тьму страданий и явится сюда, чтобы начать бой.

Слезы, которые она так старалась сдержать при прощании, теперь хлынули потоком.

— Зачем ты пришла! — крикнула девушка в красном, не скрывая рыданий.

Эти слова, эхом разносившиеся среди огня, были одновременно и упреком, и сладким признанием.

Почему она пришла? Ведь тогда она не выказала ни капли привязанности, была холодна до боли в сердце, а теперь вдруг явилась без приглашения.

— Слишком хитрая.

Цзи Сюэ слегка отвела взгляд, не в силах смотреть в полные страсти глаза Нань Сысянь, и спокойно ответила:

— Ты сказала: спаси меня.

Ответ, озаривший тьму, был естественным и искренним. Да, она пришла только ради этих слов. Она попросила о помощи, и Цзи Сюэ нарушила свой обет — все было предельно просто.

— Слишком своевольная.

Холодная красавица крепко сжимала меч, а ее развевающиеся снежные волосы казались сейчас особенно притягательными.

Навсегда запечатлев в сердце этот спокойный тон, Нань Сысянь смотрела на нее с обожанием, прижав руки к груди.

Может, снег склонил ее волю, а может, она просто была очарована этой сценой.

В этот момент она поняла — она пропала. Она погрузилась в глубины этого снежного и чернильного мира и больше не могла выбраться.

— Наглость! Бесстыдная ведьма! Сметь отвлекаться перед лицом предков Зарождающейся Души! Если не отойдешь, не вини нас за безжалостность!

Ле Цин, чья вспыльчивость не изменилась за сотни лет совершенствования, не мог терпеть такого пренебрежения.

— Я же сказала, — Цзи Сюэ тряхнула мечом, разбрасывая снег. В ее глазах застыла жажда убийства. — Хотите умереть — нападайте все вместе!

Эти слова окончательно разожгли ярость трех практиков. Во всем мире Наньмин они привыкли к почитанию и поклонению. А эта странная женщина, даже не практик, не ставила их ни во что.

Главы залов, до этого сохранявшие видимость благородства, в ярости отбросили всякую сдержанность. Каждый из них активировал свои тайные техники, призывая духовную энергию, и обрушил на нее смертоносные удары!

Старейшина Лун взмахнул рукавами, высвобождая облако каменной крошки, и, очертив руками круг, сложил печать. Под воздействием его глубокой силы крошка в воздухе сложилась в сложнейшую формацию, высвобождая мощь высшего магического артефакта.

— Невежественная девчонка, умри!

Ле Цин, ступая по звездам, обрушил кулаки, объятые призрачным пламенем. Его синее одеяние развевалось на ветру, а в глазах сверкнул свет сотен лет совершенствования. Его удар, подобный грому и молнии, был направлен прямо в лицо Цзи Сюэ.

Лю Жуфэн, чьи мысли были иными, холодно усмехнулся. Его фигура растворилась в тумане, и в следующее мгновение из пустоты, подобно тени, вырвался клинок, направленный в самые уязвимые точки спины Цзи Сюэ.

Три великие техники столкнулись, сотрясая небеса и землю.

Но в этот момент —

Взметнулись облака, снег и чернила закрыли небо, и холодный блеск меча пронзил пространство.

— Меч: Цанлан.

Тихий шепот — и мир потерял краски. Снег рассеялся, и пространство словно погрузилось в прекрасную иллюзию, где осталась лишь ослепительная белизна.

Затем лед рассыпался, и мощная воля меча, подобно яростным волнам, разбивающимся о скалы, устремилась вперед. Холодный отблеск меча встретил мощь Зарождающейся Души, создавая неразрушимое ледяное сияние!

Сознание Цзи Сюэ было чисто, как зеркало. Взмах меча — и мириады снежинок превратились в воплощение Дао.

Тяжелая формация, огненные кулаки и теневой клинок — все они при столкновении с этим сиянием рассыпались в ледяную пыль, которая лишь добавила мечу Цзи Сюэ еще больше мощи!

Не имея возможности сменить технику, старейшина Лун и двое других, стиснув зубы, попытались противостоять воле меча своими телами.

Но сражаться телом против воли меча — верх невежества. Под оглушительный грохот троица вскрикнула, и кровь брызнула из их ран.

Победитель был определен.

— Как это возможно?! — Ле Цин, покрытый кровавыми ранами, с распущенными волосами, кричал в безумии.

Все трое были потрясены. В мире Наньмин практики Зарождающейся Души были символом силы. И теперь, объединив усилия, они не смогли отразить даже случайный удар этой беловолосой женщины.

— Этот удар был последним, — Цзи Сюэ взмахнула рукой, снег рассеялся. Она не поднимала глаз, голос ее звучал холодно и властно: — Следующий удар... укажет путь к Желтым Источникам!

Она не заботилась о чувствах врагов. Ей было скучно, и она хотела покончить с этим.

Старейшина Лун понимал, что проиграл, но отступление означало бы крах их Дао, а позор секты Пути к Бессмертию был недопустим.

— Младший брат Ле! Младший брат Лю! — в ужасе воскликнул старейшина Лун. — Эта ведьма опасна! Скорее, призовем Массив Мечей Красной Чешуи, оставленный учителем!

Они не стали медлить. Собрав всю свою энергию, они активировали массив, призванный их великим учителем.

Над ними, в небе, возник гигантский, древний образ меча. Раздался оглушительный звон, и тысячи мечей учеников секты вырвались из ножен, склоняясь перед этим образом.

Вслед за этим из мечей соткался огромный красный дракон, несущий в себе всю мощь стадии Слияния.

— Умри, ведьма! — торжествующе закричал старейшина Лун.

— В состязании мечей, если бы пришел сам создатель этой техники, это была бы достойная битва, — Цзи Сюэ холодно посмотрела на них. — Но меч без сердца, человек без воли. Вы оскверняете великое оружие! Вы лишь усиливаете мое желание убить вас.

Она наполнила тело внутренней энергией. Взмах меча — и небо превратилось в древнюю картину, написанную тушью.

— Область Меча: Без Света.

В глубокой тьме, поглотившей последний свет, старейшина Лун и остальные не могли ни пошевелиться, ни издать ни звука. Даже красный дракон замер, подавленный волей меча.

Лишь белая фигура танцевала в пустоте, оставляя чернильные следы. Сила, превосходящая богов, сокрушила дракона, и среди тишины зазвучала вечная, скорбная песнь меча.

<http://bllate.org/book/19148/1880462>